

Н. Заозерский

**Отношение Святой Православной Церкви к
миру и войне**

По учению её канонического права

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. Заозерский**
Отношение Святой Православной Церкви к миру и войне: По учению её канонического права / Н. Заозерский – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-458-56368-0

ISBN 978-5-458-56368-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отношеніе Св. Православной Церкви къ миру и войнѣ, по ученію ея каноническаго права.

(По поводу современныхъ движеній въ литературѣ за общенародный миръ и противъ милитаризма).

Къ числу жизненныхъ вопросовъ, которыми въ настоящее время съ большою энергіею занимаются наука, литература и даже искусство, принадлежитъ безспорно вопросъ о милитаризмѣ. Занимающіеся разработкою этого вопроса дѣйствуютъ двоякимъ образомъ: одни — положительнымъ, другіе отрицательнымъ. Первые устремляютъ свои силы на изысканіе средствъ, устраняющихъ возможность кровавыхъ столкновеній между народами, вторые стараются всемірно возбудить въ людяхъ страхъ передъ войною и отвращеніе къ военной службѣ, какъ „ремеслу“ ¹⁾.

Высокая цѣль — благо народовъ и всего человѣчества, — преслѣдуемая ими, стяжала имъ по справедливости званіе „друзей мира“ и враговъ милитаризма.

Это научно-литературное движеніе противъ милитаризма началò съ особенною силою заявлять себя собственно въ западной Европѣ, какъ оппозиція милитаризму Пруссіи, взлѣлѣянному политикою Бисмарка, и поддержанному *de facto* героемъ милитаризма Мольтке, а за тѣмъ въ благополучно-мирное царствованіе Незабвеннаго для друзей мира Царя-миротворца, перешло и къ намъ въ Россію и завер-

¹⁾ Съ литературою вопроса можно ознакомиться по слѣдующимъ статьямъ Русской мысли за 1895 й годъ

а) Л. А. Камаровскій Факторы мира въ современной жизни. (Сентябрь)

б) *Psychologie de Militaire professionnel*, par A. Hamon. Paris, Bruxelles. 1894. (Сентябрь)

в) И. К. Война у разныхъ народовъ. (Ноябрь).

бовало въ свои ряды довольно многочисленный сонмъ друзей мира. Даже болѣе,—здѣсь оно повстрѣчалось съ давнимъ и весьма вліятельнымъ другомъ мира и борцомъ противъ милитаризма—въ лицѣ извѣстнаго писателя-художника гр. Л. Н. Толстаго и не только русскіе, но и западные „друзья мира“ съ радостью записали его въ свои ряды.

Но часто встрѣчается въ человѣческой жизни странное явленіе при всѣхъ благихъ, самыхъ чистыхъ искреннихъ намѣреніяхъ человѣкъ по какому-то странному ослѣпленію избираетъ совершенно ложный, т. е. не цѣлесообразный путь къ осуществленію своихъ чистыхъ намѣреній... Случается, хотя и довольно рѣдко, что, разъ ставъ на этотъ путь, человѣкъ никакъ не можетъ придти къ сознанию ложности этого пути и идетъ по нему, идетъ упорно, сокрушая на своемъ пути все ему мѣшающее, и не только не достигаетъ цѣли, но прямо вредитъ ея достиженію даже другими, т. е. въ концѣ концовъ идетъ какъ разъ *противъ самаго себя и поражаетъ самаго себя*, воображая однакожь что онъ идетъ противъ другихъ и поражаетъ другихъ.

Такое положеніе теорія словесности называетъ *трагическимъ*.

Въ такомъ именно положеніи дѣйствуетъ, по нашему убѣжденію, Л. Н.—чѣ, какъ горячій борецъ противъ милитаризма и какъ авторъ своей морально-философской теоріи непротивленія злу.

Что онъ—искренній другъ мира и врагъ войны, объ этомъ свидѣтельствуетъ едва ли не каждая строка его знаменитой эпопеи Отечественной войны 12-го года.

Да, кто внимательно хоть одинъ разъ прочиталъ эту эпопею, тотъ не могъ не замѣтить съ какой силой высказывается душа художника, страдающаго скорбями людей, обреченныхъ какою то неумолимою безсмысленною судьбою идти на смертный бой и умирать въ безобразной массѣ человѣческихъ и животныхъ труповъ—жертвъ того безобразнаго столкновенія озлобленныхъ другъ противъ друга людей, даже христіанъ, которое называется „сраженіемъ“, или „боемъ“. Эта, страдающая скорбями всего человѣчества, душа художника видна не только въ рѣзкихъ контрастахъ картинъ мира и картинъ войны, чередующихся въ эпопеѣ, но и въ тѣхъ отвлеченныхъ рассу-

деніяхъ, которыя учащаются по мѣрѣ приближенія эпопеи къ концу.

Въ этихъ разсужденіяхъ со всею ясностью выступаетъ *усиліе* художника рѣшить вопросъ: что толкаетъ людей стремглавъ летѣть въ бой и — полное *бесиліе* въ рѣшеніи этого вопроса.

Отсюда—крайне тяжелое впечатлѣніе эпопеи....

Наша глубокая симпатія друзьямъ мира, идущимъ вѣрнымъ положительнымъ путемъ къ своей цѣли, побуждаетъ насъ со всею обстоятельностью раскрыть истинное отношеніе Св. Православной Церкви къ миру и войнѣ; а наша глубокая признательность творцу знаменитой эпопеи побуждаетъ сдѣлать попытку—указать со всею ясностью ложность пути, приведеннаго Л. Н.—ча, какъ автора „моего евангелія“ и „моей вѣры“ къ роковой, глубокотрагической его враждѣ со Св. Православною Церковью.

Что касается отношенія Церкви Православной къ миру, то оно одно и то же всегда, весьма ясно и опредѣленно: Церковь всѣмъ желаетъ мира; усиленно, день и ночь, молится о мирѣ и—можно безъ преувеличенія сказать—трепещетъ передъ войной, какъ ужаснымъ бѣдствіемъ. Вѣрность этого положенія для православнаго, хотя бы даже неграмотнаго, христианина не требуетъ доказательствъ; послѣднія нужны, можетъ быть, только для интеллигентнаго человѣка, не придерживающагося никакого вѣроисповѣданія, или же для нашихъ заграничныхъ „друзей мира“, никогда не бывавшихъ въ нашихъ православныхъ храмахъ во время Богослуженія. Да и для нихъ нѣтъ ничего легче если бы потребовалось—представить самое убѣдительное въ томъ доказательство. Ибо оно все будетъ состоять въ слѣдующихъ словахъ: „Друзья! ходите, какъ можно чаще въ церковь и Вы убѣдитесь въ мирномъ ея настроеніи. Вы тамъ всегда услышите: „миръ вамъ“, „миръ всѣмъ“, „о мирѣ всего мира и соединеніи всѣхъ Господу помолимся“...

Но, можетъ быть, это—только въ мирное время; а во время войны Церковь не молится о мирѣ всего мира и ея священникъ не привѣтствуетъ всѣхъ евангельскимъ цѣлованіемъ мира? —Нѣтъ и нѣтъ! Ея Богослужебный чинъ

всегда тождественъ, въ мирное время совершается онъ или въ военное, — въ благолѣпномъ ли храмѣ или на самомъ полѣ сраженія; различіе только въ томъ, что въ военное время, какъ и вообще во время какого-либо общенароднаго бѣдствія, Церковь усиливаетъ призывъ своихъ чадъ къ *покаянію во грѣхахъ* (ибо по ея воззрѣнію, грѣхи суть главная причина общественныхъ бѣдствій и сильнѣйшаго изъ нихъ — войны), усиливаетъ молитвы къ Богу о прощеніи прегрѣшеній и объ избавленіи „отъ меча, нашествія иноплемennыхъ и междуусобныхъ брани“. И если бы у кого явилось сомнѣніе — дѣйствительно ли Церковь молится, именно такъ даже на полѣ сраженія, то для разсѣянія этого сомнѣнія можно было бы указать на собственное свидѣтельство Льва Николаевича Толстаго въ его эпопеѣ — только съ самымъ маленькимъ поясненіемъ. Вотъ его описаніе молебна наканунѣ Бородинскаго сраженія. „Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ строило плѣхота съ *снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу* (военный ритуаль покорности, разоруженія) Позади плѣхоты слышалось церковное пѣніе. Обгоняя Пѣра, безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы. „Матушку несутъ! Заступницу.... Иверскую“!.... „Смоленскую Матушку“ — поправилъ другой. — Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному пѣнію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичекъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую съ чернымъ ликомъ въ окладѣ икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска, и съ того времени возимая за арміей. За иконою, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ, шли, бѣжали и кланялись въ-землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дѣячки зажгли вновь кадила и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ.

Огромная толпа съ открытыми головами офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка на очищеномъ мѣстѣ стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генераль съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно нѣмецъ) терпѣливо дожидался конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать вѣроятно для возбужденія патріотизма русскаго народа. Другой генераль стоялъ въ воинственной позѣ и потряхивалъ рукой предъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Между этимъ чиновнымъ кружкомъ Пьеръ, стоявшій въ толпѣ мужиковъ, узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, но онъ не смотрѣлъ на нихъ; все вниманіе его было поглощено серьезнымъ выраженіемъ лицъ въ этой толпѣ солдатъ и ополченцевъ, однообразно — жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и правильно пѣть: „Спаси отъ бѣды рабы Твоя, Богородице“, и священникъ и диаконъ подхватывали (sic!): „яко вси по Бозѣ къ тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству“, на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять тоже выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружившая икону, вдругъ раскрылась и надела Пьера. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которою передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, обѣзжавшій позицію. Онъ, возвращаясь къ Татариновой, подошелъ къ молебну. Пьеръ тотчасъ же узналъ Кутузова по его особенной, отличающейся отъ всѣхъ фигурѣ.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ съ сутуловатою спиной, съ открытою бѣлой головой и съ вытекшимъ былымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею ныряющею, раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукою до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ

былъ Бенигсенъ и свита. *Не смотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.*

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣна, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ и съ дѣтски-наивнымъ вытягиваніемъ губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры и за ними давая другъ друга, точасъ, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами, полѣзли солдаты и ополченцы“ ¹⁾.

Вотъ художественная картина, писанная перомъ и чернилами! По моему мнѣнію, она въ тысячу разъ правдивѣе и реальнѣе любой картины г. Верещагина, то же—„друга мира“, хотя и чрезъ-чуръ большаго любителя реальныхъ сильныхъ ощущеній ²⁾.

Но въ человѣческомъ творествѣ нѣтъ абсолютнаго совершенства,..... Даже и эта чудная картина Л. Н—ча имѣетъ нѣкоторые недостатки въ деталяхъ, происшедшіе, по моему мнѣнію, отъ того, что Л. Н—чъ плохо знаетъ церковный уставъ. А именно: 1) каждый пѣвчій и дьячекъ хорошо знаютъ, что на словахъ: „яко вси по Бозѣ“... подхватываютъ пѣвчіе и дьячки священника и диакона, а не наоборотъ; 2) Л. Н—чъ совсѣмъ не знаетъ, что именно на молебнѣ предъ Смоленскою иконою Богоматери поется тропарь „Къ Богородицѣ прилежно“, который несомнѣнно и былъ пропѣтъ въ 20-й разъ, а Л. Н—чъ о немъ не упомянул ни слова ³⁾.

¹⁾ Война и миръ, т. III, (Ч. VII). Изд. VI, 1886 г. стр. 274—277.

²⁾ *На войнѣ въ Азги и Европѣ. Воспоминанія Художника В. В. Верещагина. М. 1894. Русская мысль, 1895, Ноябрь, стр. 556—557.*

³⁾ По видимому, это—мелочь.. Нѣтъ, не мелочь, а промахъ, довольно крупный. Если бы этотъ тропарь приведенъ былъ въ описаніи цѣликомъ, тогда всякому, любому иностранцу - читателю, стало бы до очевидности ясно, почему Кутузовъ, забывъ свой высокій постъ, *смирно* склонялъ свою сѣдую голову предъ иконою Богоматери, почему солдаты *жадно* смотрѣли на икону, почему и въ самый вечеръ наканунѣ Бородинскаго боя „ополченцы надѣли чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы приготовиться къ смерти“

Но и безъ этой поправки художественная картина съ поразительной энергіей вызываетъ въ сознании зрителя мысль, что съ момента появленія на боевой позиціи иконы и церковнаго причта *военные совершенно перестали быть военными*: побросали лопаты, забыли всякую субординацію.

А если такъ, то основательно ли Церковь обвинять въ милитаризмъ? Не основательнѣе ли было бы обвинять ее прямо въ парализованіи военнаго духа и нарушеніи военной дисциплины?!

Нѣтъ! Намъ еще рано дѣлать какія бы то ни было обобщенія...

Какъ философъ-моралистъ Л. Н—чь обвиняетъ мать свою—Православную Церковь во лжи, въ искаженіи Евангелія, между прочимъ, и съ этою преступною ея цѣлю—оправдать милитаризмъ.

Вотъ этотъ обвинительный актъ въ евангеліи Л. Н—ча, къ счастью, выраженный настолько деликатно, что его можно публично прочитать:

„Сказано: благословляй враговъ, а она (Церковь) говоритъ: можно ругать. Рѣчь Иисуса говоритъ только то, что не должно защищаться отъ враговъ, что ни въ какомъ случаѣ не должно воевать; церковь же 1500 лѣтъ проповѣдуетъ противное и благословляетъ воиновъ“¹⁾.

Какъ должно понимать учене Господа о любви ко врагамъ—этого вопроса мы разсматривать пока не будемъ: вся сила обвинения сосредоточивается въ словахъ: „церковь 1500 лѣтъ благословляетъ воиновъ“.

Въ этомъ Св. Церковь *дѣйствительно виновна*,—если угодно; но передъ кѣмъ и передъ чѣмъ?!

Дабы рѣшить вопросъ основательно и всесторонне, должно прежде всего разсмотрѣть, какъ и въ какихъ формахъ Церковь обыкновенно благословляетъ воиновъ? Раздѣльнѣе и яснѣе выражаясь, мы должны сказать, что Церковь не только вообще благословляетъ воиновъ, какъ и каждого

(стр. 280), почему „солдаты не стали водку пить“: въ такой день говорить“ (293) По моему мнѣнію, они все это дѣлали потому, что калясь во грѣхахъ, единственный кажется имъ ментъ когда солдатъ отказывается отъ предлагаемой ему водки.

¹⁾ „Исслѣдованіе Евангелія“. РКП. библотеки М. Д. Академіи № 128/210, стр. 227.

христіанина, но еще: 1) молится нарочито „о христолюбивомъ воинствѣ“; 2) освящаетъ особымъ чиномъ военныя знамена.

Прежде чѣмъ, однакожь, приступить къ разсмотрѣнію этихъ т. с. *виуз* Церкви, почитаю нужнымъ замѣтить, что, благословляя христолюбивыхъ воиновъ, Церковь отнюдь не забываетъ заповѣди Господа о любви ко врагамъ: напротивъ, она за нихъ молится. Въ доказательство сошлюсь на слѣдующія слова одной молитвы, которая читается ежегодно въ день Рождества Христова: „О премилосердый Господи! Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя: но и неищущимъ Тебе явленъ буди; еще и *враговъ нашихъ сердца* къ Тебѣ обрати: и всѣмъ языкомъ и племеномъ во Единемъ истиннемъ Христѣ Твоемъ познанъ буди. Да отъ востока солнца до запада, всѣми убо языки, единѣмъ же сердцемъ, вси языцы восклицають Тебѣ гласомъ радованія: слава Тебѣ, Богу, Спасителю всѣхъ, во вѣки вѣковъ“ ¹⁾.

Почитаю важнымъ напомнить объ этихъ словахъ молитвы потому въ особенности, что въ первый разъ она читалась въ томъ самомъ храмѣ (а потомъ читается ежегодно во всѣхъ храмахъ Православной Церкви), который подвергся во время войны 12 года ужаснѣйшему поруганію отъ враговъ, о каковомъ а ргорос замѣчу, въ эпопеѣ своей Л. Н—чъ не обмолвился ни единымъ словомъ...

На этомъ основаніи обвинительный актъ Л. Н—ча противъ Церкви долженъ видоизмѣнить свою заключительную часть такъ: *она виновна въ томъ, что молясь за враговъ, благословляетъ воиновъ.*

Приступая къ разсмотрѣнію этого обвинительнаго акта, съ своей стороны я почитаю нужнымъ замѣтить, что при этомъ разсмотрѣніи я буду *не защищать* Церковь, а напротивъ, съ одной стороны, содѣйствовать Л. Н—чу въ обвиненіи ея, указывая ему всѣ ея т. ск, слабыя мѣста, а съ другой—предоставляя ему въ видѣ справки нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія и Богослужебныхъ книгъ въ качествѣ документовъ, оправдывающихъ или только смягчающихъ вину Церкви. Въ то же время я не буду умалчивать и о

¹⁾ Благодарственное и молебное пѣніе въ день Рождества Иисуса Христа. Изд. 1886 г. л. рѣв. на оборотѣ.

тѣхъ обстоятельствахъ, которыя будутъ служить не въ пользу ужъ очень энергичнаго обвиненія. Словомъ, при принимаемомъ разсмотрѣннн обвиненія Церкви я буду дѣйствовать при Л. Н—чѣ, какъ секретарь при прокурорѣ, доставляя ему только справки, но не предрѣшая вопроса о виновности или невинности.

Православная Церковь, т. е. ея Архіереи и священники ¹⁾, благословляетъ воиновъ и въ мирное и въ военное время, — въ военное даже съ особенною торжественностію: въ домѣ ли, если нарочито позовутъ священника, или же въ какомъ-либо помѣстительномъ храмѣ, или просто подъ открытымъ небомъ. При этомъ обыкновенно присутствуютъ большею частію плачущіе друзья и родственники провожаемыхъ, которые, по исконному русскому обычаю, и сами благословляютъ своихъ воинственныхъ друзей своими тѣльными крестами, а кто побогаче — то и особенно дорогими въ какомъ бы ни было отношеніи домашними иконами.

Отягчающимъ вину Церкви обстоятельствомъ служить то, что своимъ благословеніемъ она, если не прямо освящаетъ милитаризмъ; то однакоже подбодряетъ воиновъ, идущихъ иногда на войну прямо охотою, изъ-за карьеры, или по такимъ наивнымъ побужденіямъ, какъ, напр., Петя Ростовъ, т. е. изъ желанія, чтобы донесено было Государю, что оня, Петя, за Государя не боялся положить голову и летѣлъ первымъ въ самую отчаянную атаку.

Вмѣсто того, чтобы благословлять подобныхъ рыцарей, Церковь съ точки зрѣнія Л. Н—ча должна бы на оборотъ всемірно и какъ можно громче проповѣдывать прямое запрещеніе Іисуса: *не воюй* ²⁾, — проповѣдывать именно въ этотъ удобный моментъ.

Смягчающими вину церкви обстоятельствами представляются слѣдующія:

1) Церковь православную, т. е. архіереевъ и священниковъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ совсѣмъ не спра-

¹⁾ Въ такомъ, именно, смыслѣ понимаетъ слово Церковь Л. Н—чѣ, когда ее желаетъ обвинять.

²⁾ См. ниже.

шиваютъ о томъ — нужно, или не нужно идти на войну, а — просятъ или требуютъ только благословить уже идущихъ по такимъ или инымъ побужденіямъ на войну.

2) Отказываясь благословить война, быть можетъ уже старатаго и благочестиваго, какъ напр. Кутузовъ, быть можетъ весьма благоволившаго священнику въ мирное время, священникъ прямо подвергся бы укоризнѣ въ неблагодарности и въ нарушении долга дружбы: ибо онъ отказывается благословить друга въ ту критическую минуту, когда его благословляютъ жена, сестра, дѣти и проч.

Не имѣя пока ничего указать въ ослабленіе или въ усиленіе перваго изъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, относительно втораго я долженъ представить въ качествѣ справки слѣдующія мѣста изъ евангелія Л. Н—ча и Евангелія Церкви православной.

Въ евангеліи Л. Н—ча читаемъ: „Иисусъ учитъ людей истинному благу, какъ же ему умолчать о томъ явленіи, которое и тогда, и теперь представляется, какъ величайшее зло — вражды народовъ и войны? Неужели мы только такъ умны, а онъ просмотрѣлъ это зло и этотъ неистощимый источникъ зла, а говорилъ только о томъ, какъ причащаться—хлѣбомъ или виномъ, а объ обществахъ миллионовъ, о войнахъ ничего не сказалъ? И тотъ Иисусъ, тотъ, который сказалъ, что онъ не однимъ евреямъ проповѣдуетъ благо, тотъ, который не признаетъ ни матери, ни братьевъ, ни семьи, ни вѣры старипной, а говоритъ такимъ же, какъ онъ, бродягамъ“ ¹⁾.

Предъ этой справкой ссылка на то, что священникъ благословляетъ собственно не воиновъ, а друзей, отцовъ, мужей, братьевъ и т. д., очевидно, ниспровергается какъ ловкая, можно сказать, юридическая увертка.

Но за то съ другой стороны и священникъ можетъ въ свое оправданіе изъ своего Евангелія, т. е. изъ Евангелія Церкви,—вывести на справку слѣдующія мѣста:

1) Иисусъ не только признавалъ мать, братьевъ, семью, но и благословлялъ воиновъ. Такъ Самъ Онъ во дни своего дѣтства и отрочества *до появленія къ людямъ* былъ въ повяновеніи у родителей (Лук, II, 21).

¹⁾ Выше цитир. РКЦ, стр. 228—229.